

Существуют такие театральные байки, что каждый театр с гордостью утверждает, будто это приключилось именно у них.

Предлагаем прочесть именно такие курьезные истории, которые происходили теперь уже непонятно в каком театре, когда и с какими актерами. Но это уже и неважно. Главное — умение героев мастерски выйти из таких ситуаций.

«Гроза» Островского. Финальная сцена, героиня бросается в реку. Для смягчения последствий падения обычно использовались маты. Но в этот день в суматохе их забыли положить. И вот представьте себе сцену: героиня с криком бросается в реку, зрители слышат оглушительный треск за декорациями. Актриса не теряет и выползает обратно со словами: «А Волга-то замерзла!»

Идет спектакль про Олега Кошевого. Актриса, играющая мать Олега, читает длинный пафосный монолог. Во время монолога падает занавес за сценой, за которым обнаруживается рабочий сцены, стоящий на табуретке и спокойно себе вкручивающий лампочку. Длинная пауза, зал замирает, гробовая тишина. Рабочий находит выход: «А Олег дома?»

Спектакль про Великую Отечественную. В одной сцене актеры изображали группу фашистов, причем одного из фашистов играл еврей по национальности. Так кто-то из-за кулис постоянно нашептывал: «Немцы, немцы, среди вас еврей!»

[© Спектакль «Чайка» в постановке Константина Богомолова](#)

Столичный театр на провинциальных гастролях с чем-то шекспировским. В спектакле была сцена: над влюбленными в тихом саду пролетает купидон и мелодично напевает: «Я — купидон, любовь несущий...» Дома никаких технических сложностей с исполнением трюка не было. А в местном театре оказалось, что у каретки, к которой крепился трос с актером, слишком высокая скорость — актер просто не успеет произнести всю фразу в полете.

Техник, отвечавший за лебедку, не придумал ничего лучше, чем дождаться момента и резко остановить двигатель, чтобы дать возможность актеру произнести текст. И вот финал: сад, лунный свет, влюбленные смотрят друг на друга... В этот момент из-за кулис стремительной кометой в белых тряпках, роняя на головы актеров лук

и стрелы, проносится херувим с криком: «Я — купидон... твою ж мать!»

Идет спектакль «Чайка» по пьесе Чехова. Как известно, в его финале должен прозвучать выстрел. Затем на сцену выходит доктор Дорн и говорит: «Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился». Пауза затянулась, и выстрела все нет. Дорн понимает, что нужно спасать положение. Он выходит на сцену и долго стоит, все еще надеясь на выстрел, которого по-прежнему не слышно. Тогда он произносит: «Дело в том, что Константин Гаврилович повесился». И тут раздается выстрел. Немного подумав, актер добавляет: «И застрелился».

Приезжает известный актер в провинциальный театр — играть Отелло. А Дездемона — юная дебютантка. Она, естественно, волнуется. И вот подходит дело к сцене ее убийства, она целомудренно лежит в кровати под балдахином, но... ногами не в ту сторону! Открывает Отелло с одной стороны балдахин — а там ноги. Ну что поделать, закрывает, томно изображает задумчивость. А Дездемона осознает, что лежит не в том направлении, и переворачивается. Открывает Отелло балдахин с другой стороны, а

там... опять ноги!

[© Спектакль «Ромео и Джульетта» в Театре РАМТ](#)

Послевоенные годы, ГИТИС. Студенты часто подрабатывали в Малом театре в массовых сценах. Один из студентов играл «мишень» — в одной из сцен спектакля, где герой со сцены стрелял из лука, стрела летела за кулисы, а актер-мишень в этот момент быстро доставал другую стрелу, приставлял ее к груди и падал замертво.

Но в один день на спектакле присутствовали уважаемые политические фигуры, поэтому театре появились десятки новых «рабочих сцены» и «пожарных». И вот во время этой самой сцены бдительный «пожарный», увидев натянутый лук, выскочил из-за кулис, и стрела попала в него. А актер-мишень сделал все как всегда...

«Евгений Онегин». В одной из последних сцен Евгений прибывает на бал к своему старому другу и видит Татьяну (в малиновом берете). При этом звучит следующий диалог:

— Кто там в малиновом берете с послем турецким говорит?

— Так то жена моя.

— Так ты женат?

— Уже два года!

Но в этот раз все пошло не так. Во-первых, реквизиторы не нашли малинового берета и заменили его зеленым. А во-вторых, артист, игравший мужа Татьяны, и актриса, игравшая Татьяну, были братом и сестрой. Вот что из этого получилось.

Входит Евгений, подходит к другу и ищет глазами яркое малиновое пятно. Его нет... Находит глазами Татьяну:

— Кто там... в ЗЕЛЕНОВОМ берете с послом турецким говорит?

— Так то СЕСТРА моя! (растерявшись от вопроса)

— Так ты СЕСТРАТ?! (чувствуя, что происходит что-то не то, но до конца еще не осознавши)

— Уже два года!

Премьера была сорвана.

[© «Евгений Онегин» в театре им. Вахтангова](#)

Актер во время спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» забыл финальный монолог Глумова, а монолог немаленький, очень известный и актерски мощный. Но что сделал этот паразит — нельзя передать словами. Он сказал только одну фразу: «А вы, Софья...» — и с недосказанностью посмотрел на всех на сцене. Потом посмотрел в зал. И ушел... Как это было эмоционально!

Одного героя убивали практически в самом начале спектакля. В нем актер играл для души, а зарабатывал в основном ролью Деда Мороза на елках, о чем все знали. И график был весьма плотный, поэтому он старался по-быстренькому умереть и бежал на очередную елку. Умирал он, будучи застреленным, при этом старался упасть за кулисы, чтобы можно было сразу уйти.

Однажды коллеги решили над ним подшутить. Они специально разыграли сцену так, что ему пришлось падать, сраженным выстрелом, прямо посередине сцены. Что делать? Если останется лежать, не успеет на елку. В общем, пока коллеги разыгрывали сцену дальше, он нашел выход: начал потихоньку отползать к кулисам, в образе, страдая от ран. Но жестокие коллеги, заметив, пресекли

попытку. Один сказал: «Добейте эту сволочь», а второй произвел контрольный выстрел в голову.

Тэги: [на](#), [из](#), [это](#), [именно](#), [про](#), [которые](#), [но](#), [за](#), [такие](#), [уже](#), [себе](#), [рабочий](#), [спектакль](#)

,
[«а](#)

,
[сцене](#)